

Глава 10. Меч Великого предела

Ночь. Ночь, когда серп молодого месяца виснет в небе, словно костяной крючок.

В такие часы дивная красота идет рука об руку с щемящим одиночеством. Под этим бледным сиянием многим не спится. Разлученные любовники, поэты, тоскующие на чужбине по родному дому, литераторы, провожающие старых друзей, — сон обходит их стороной.

Но тот, кто не спал нынешней ночью, не принадлежал ни к одной из этих каст. Он не видел лунного света, не видел и этой черной бездны, подернутой дымкой сияния. Да и не мог видеть. Он был из тех людей, кому суждено делить ложе с вечной тьмой, даже если сон не идет.

В это самое время его лучший друг, благородный герой, умеющий ценить и свет луны, и свежесть ветра, уже почивал. Он спал крепко; даже через стену в соседней комнате слышалось его ровное, спокойное дыхание. Так дышит лишь человек, погруженный в глубокий и мирный сон.

Хуа Маньлоу едва заметно покачивал складным веером.

Он был изысканно прост: бумага — тончайшая, работы мастеров семьи Сун; тушь — старинная, из садов семьи Янь. Любой, кто взглянул бы на этот чистый, лишенный украшений предмет, лишь покачал бы головой: где тут роскошь? Но знаток непременно вздохнул бы и топнул ногой от досады, ибо в подлунном мире едва ли нашлось бы и несколько вееров, способных сравниться с этим.

Каков веер — таков и хозяин.

И вот сейчас он никак не мог уснуть. Но он не выказывал досады, как это бывает с изнуренными бессонницей людьми. Напротив, казалось, он наслаждается этой ночью. Окно было распахнуто настежь, и ветерок, напоенный ароматом цветов, приносил покой телу и духу.

Он ждал гостя. Ждал того, кто уже был совсем рядом.

Он уже уловил шаги. Почти невесомые, тихие, словно ночной сквозняк, гуляющий по комнатам. Но даже ветер оставляет следы, что уж говорить о человеке.

— Молодой господин Уши, — негромко произнес Хуа Маньлоу, — прошу, входите.

Уши прошиб холодный пот. Он собирался проскользнуть внутрь бесшумно, точно тень, но не успел даже коснуться порога, как хозяин уже поприветствовал его. Он толкнул дверь.

Хуа Маньлоу сидел на табурете, неспешно обмахиваясь веером. Он мягко улыбался — так

встречают старого друга, решившего заглянуть на огонек.

В этот миг до него вновь донеслось тяжелое дыхание из соседней комнаты. Но теперь оно принадлежало человеку, который лишь притворяется спящим. Перейти от глубокого сна к притворному для некоторых людей — пара пустяков. А распознать этот трюк для друга таких людей — и того проще.

Уши этого не заметил. Он не был другом ни Хуа Маньлоу, ни Лу Сяофэна. Пришел за мстостью. А мститель не должен обременять себя лишними думами. Если в сердце живет сомнение, клинок дрогнет. Е Букэ не был из тех, кто сомневается.

Стоило ему распахнуть дверь, как меч уже покинул ножны. Короткий клинок. Меч, приносящий скорбь.

Он пришел за платой: жизнь за жизнь. Либо падет Хуа Маньлоу, либо он сам.

Хуа Маньлоу не желал этой схватки — в ней не было ни смысла, ни правды. Он не был убийцей, и если уж искать возмездия, то не здесь. Однако, хотел он того или нет, Уши не мог искать в другом месте.

Короткий меч в его руках извивался, точно гадюка. Выпады его походили на тени деревьев, пляшущие в пруду под лунным светом: казалось, каждый прием неизменен, но за мгновение он преображался до неузнаваемости.

— Меч тени луны Великого предела, — негромко констатировал Хуа Маньлоу.

Клинок Уши уже летел прямо в лицо хозяину комнаты, но в последний миг острое коварно сменило направление, нацелившись в область легких. Смена была столь стремительной, что обычный человек не успел бы даже моргнуть.

Но Хуа Маньлоу лишь слегка шевельнул веером. Мягкий толчок — и смертоносная сталь послушно ушла в сторону.

Однако клинок, миновав цель, мгновенно перелетел из правой руки в левую и рванулся к горлу. Этот маневр был верхом искусства: он будто заранее знал, где встретить рукоять. Скорость этого удара превзошла все мыслимые пределы. Короткий меч в руках Уши казался опаснее, чем гибкое лезвие Янь Юньхо.

Попытайся Хуа Маньлоу вновь закрыться веером — и сталь пробил бы его насквозь. Путь к спасению был отрезан.

Но когда клинок замер в волоске от цели, Хуа Маньлоу все еще был жив. В одной руке он по-прежнему сжимал веер, а пальцы другой замерли у самой шеи, намертво зажав острие меча.

Указующий перст Линси!

Единственным человеком, кому Лу Сяофэн передал этот секрет, был Хуа Маньлоу. И если это был не сам Лу Сяофэн, значит, перед мстителем стоял его лучший друг.

Меч застыл, словно врос в скалу. Как ни рвался Уши, сталь не шелохнулась. Он внезапно помрачнел.

— Хуа Маньлоу, — глухо произнес он, — вы не убийца.

Хуа Маньлоу разжал пальцы.

Уши убрал оружие.

— Я действительно не могу найти причину, по которой вам понадобилось бы её убивать. И уж тем более не верю, что вы стали бы губить её скрытым оружием.

— Как и я не могу понять, почему она пала от Иглы, пронзающей сердце, — отозвался Хуа Маньлоу.

Уши печально покачал головой:

— Быть может, истина — это милость небес. Но сегодня небо решило обойти меня своей милостью.

Хуа Маньлоу знал, как глубоко тот любил Шэнь Бумянь, и почувствовал глубокое сострадание. В этом жестоком мире, полном опасностей, любящие сердца слишком редко находят покой.

— Но пока ты хранишь память о ней в своем сердце, она всегда будет рядом, — мягко произнес он.

Уши горько усмехнулся:

— Верно. Рано или поздно мы встретимся.

Он замялся на миг, а затем добавил:

— Прошу прощения за беспокойство.

С этими словами он повернулся, чтобы уйти. Уши не был любителем долгих речей. Но едва

переступив порог, наткнулся на человека, который пристально смотрел на него. Этот человек двигался столь бесшумно, что Уши, мастер легкой поступи, даже не заметил его появления.

Перед ним стоял Лу Сяофэн.

— Молодой господин Уши вышел подышать ночной прохладой? — поинтересовался Лу.

Разумеется, никто не ходит за прохладой в чужие спальни. Лу Сяофэн был мастером не только в боевых искусствах, но и в умении доводить людей до белого каления.

— Я лишь хотел подтвердить одну догадку, — сухо бросил Уши.

Лу Сяофэн кивнул:

— Какое совпадение. Я здесь с той же целью.

— В таком случае не смею мешать.

Уши прошел мимо Лу Сяофэна, явно торопясь. Но, сделав пару шагов, внезапно замер. Он оглянулся. Лу Сяофэн тоже развернулся к нему.

Уши зашевелил губами, но не издал ни звука. В ночной тишине, где тени сливались с темнотой, это движение было почти неразличимым. Но Лу Сяофэн верил ушам друга и своим собственным глазам. Он понял каждое слово.

Лу Сяофэн на мгновение опешил.

— Прощайте! — бросил Уши и стремительно исчез в ночи.

Хуа Маньлоу жестом пригласил друга войти. Лу Сяофэн налил себе воды.

— Что он сказал напоследок? — спросил Хуа.

— Ты понял, что он что-то прошептал? Он же не проронил ни звука.

— Его шаги стихли лишь на мгновение. Он обернулся, но не напал и не остался. Очевидно, он хотел что-то сообщить.

Лу Сяофэн вздохнул. Скрывать что-то от такого пронизательного человека было бесполезно.

— Он сказал: «Тебе не стоит водить дружбу с Хуа Маньлоу».

Хозяин комнаты нахмурился:

— Не стоит дружить со мной?

Лу Сяофэн кивнул. Слова Уши странным образом перекликались с тем, что перед смертью шептала Шэнь Бумянь.

В комнате воцарилось молчание. Невероятно: нашлось сразу двое, кто не одобрял их дружбу.

— С тем же успехом он мог сказать, что тебе не стоит носить четыре брови, — усмехнулся Хуа Маньлоу. — Или что мне не стоит быть слепым.

— Или что Янь Юньхо не стоит стареть, — фыркнул Лу.

Они обменялись короткими улыбками. В их душах не было места сомнениям.

— Его техника — «Меч тени луны Великого предела» Школы меча Великого предела, — заметил Хуа.

— Возможно, он связан с наставником Великого предела, — задумчиво произнес Лу Сяофэн. — Но наставник не спускался с гор уже десять лет, да и Шестеро Святых Великого предела редко являются миру.

— Его мастерство безупречно. Пожалуй, он превосходит даже Янь Юньхо. Для таких лет это поразительная мощь.

— В прошлом году я навещал наставника Великого предела и скрестил мечи с тремя его учениками. Стиль этого юноши очень похож, но среди той троицы его не было. Наставник упоминал, что двое его учеников пребывают в затворе, а один отправился в мир для испытаний. Неужели это он?

— Мне кажется, за ним стоит не только Школа меча Великого предела, — покачал головой Хуа Маньлоу. — Великий Предел чурается мирской суеты, а «Терем, подпирающий небеса» гремит на всю Поднебесную. Что он здесь забыл?

— Уверен, он знает то, что мы так тщетно ищем. Но он не спешит делиться тайнами.

— Нам придется найти способ разговорить его, — заключил Лу Сяофэн.

Однако Лу Сяофэн не успел ничего предпринять. А Уши уже не мог ничего ответить.

Мертвецы не разговаривают. И даже Лу Сяофэн бессилен перед безмолвием могилы.

На следующее утро Уши нашли мертвым в его собственных покоех. Казалось, он просто уснул и не проснулся. Лишь тонкая струйка запекшейся крови у рта выдавала правду.

В его сердце торчала Игла, пронзающая сердце. Оружие семьи Хуа.

— Вчера мой названный брат был в добром здравии, — сокрушался Янь Юньхо, утирая слезы.
— Как же он мог уйти так внезапно?

Позади него стоял Сюй Буэ, его могучие руки заметно дрожали.

— Вчера вечером молодой господин Уши заходил ко мне, — тихо произнес Хуа Маньлоу.

Янь Юньхо вскинулся:

— Его тоже убили вашей иглой!

Шэнь Бумянь и Уши. Мужчина и женщина, зрячий и незрячий, парные клинки и короткий меч — они были полной противоположностью друг другу. Но в их смерти было две общие детали: перед концом они видели Хуа Маньлоу, а после него в их телах находили иглы семьи Хуа.

Шок Лу Сяофэна сменился холодным расчетом.

— Слишком много совпадений для одной ночи, — отрезал он. — Даже если бы Хуа Маньлоу решил стать убийцей, он не настолько глуп, чтобы сначала встречаться с жертвами, а потом убивать их собственным оружием у всех на виду.

Его доводы звучали здраво. Никто не пошел бы на столь явное безумство.

— И все же это связано с вашей семьей, — пробормотал Янь Юньхо. — Кто еще мог достать такие иглы?

Лу Сяофэн промолчал. Хуа Маньлоу стоял, плотно сжав губы. Иногда жизнь загоняет тебя в угол: ты знаешь, что невиновен, но все улики ведут к твоему порогу.

— Подумать только, — горько произнес Сюй Буэ, — от «Четырех столпов» за день осталось лишь двое.

В его голосе звучала не ненависть, а бесконечная, выжженная тоска. Он смотрел на Хуа Маньлоу уже без бывшего дружелюбия — с неотвратимой враждебностью.

В этот момент в комнату вошел стражник:

— Глава вернулся. Почтенные старейшины Сюй, господин ожидает вас.

Янь Юньхо и Сюй Буэ торопливо поднялись.

— Прошу, подождите нас здесь, — бросил Янь Юньхо.

Стражник шепотом спросил:

— А что делать с этими двумя?

— Пусть делают, что хотят, — отмахнулся старейшина. — Не мешайте им. Если они захотят уйти, здесь нет никого, кто смог бы их удержать.

Слуга кивнул и последовал за ними. В комнате остались лишь Лу Сяофэн, Хуа Маньлоу и безжизненное тело Уши.

Лу Сяофэн опустился на корточки, внимательно изучая покойного. Глаза Уши были плотно закрыты — навсегда. На лице не было ни тени борьбы, на одежде — ни единой складки.

Лу Сяофэн скользнул взглядом по шее убитого и вдруг заметил странное пятнышко. Он осторожно отогнул воротник. У самой ключицы темнела крошечная красная родинка — некогда яркая, а теперь тусклая и безжизненная.

Он хотел рассмотреть её получше, но в этот миг из складок одежды что-то выпало. Раздался чистый, мелодичный звон.

Хуа Маньлоу поднял предмет, и он замер от изумления.

Это была бусина. Точно такая же, какую ему отдала Шэнь Бумянь.

Нефритовые четки.

Лу Сяофэн взял её из рук друга. На его лице отразилось такое же потрясение.

В этот момент дверь распахнулась:

— Лу Сяофэн, Хуа Маньлоу, Глава просит вас пожаловать.

<http://bllate.org/book/17403/1657232>